

вокруг имен: Александр Солженицын и Наталья Решетовская

Он посвящал ей стихи, писал зашифрованные любовные письма, а спустя несколько лет обвинил в предательстве

До и после Архипелага

Судьба первой жены Александра Исаевича Солженицына, Натальи Решетовской, по-своему трагична. После выхода первой книги ее мемуаров писатель обвинил Решетовскую... в предательстве. Этот вердикт вынесли ей и те, кто в годы открытой травли Солженицына подобострастно присоединял свой голос к хору охаивающих. Был ли Солженицын прав в столь безоговорочной оценке?

Наш корреспондент беседует с Натальей Решетовской.

— Наталья Алексеевна, расскажите, как начиналась творческая судьба Александра Исаевича?

— Еще с самого нашего знакомства в Ростовском университете, где Александр Исаевич учился на физико-математическом факультете, а я на химическом. Саня (как я его тогда называла) был одержим страстью к литературе. В кругу тех людей, что нас окружали, много читали, часто обсуждались новинки литературы. Пробовали и самостоятельно творить: один придумывал героя, другой — действие, третий — условия сюжета. Что-то вроде игры. Наверно, но это помогало развивать фантазию, вызывало потребность в литературной работе. По-моему, молодому Солженицыну такая самостоятельная литературная школа принесла очевидную пользу. С самого детства он был убежден: его призвание — перо!

Но тогда я еще не представляла, насколько велико дарование Солженицына. И когда он давал мне читать свои рассказы и стихи, я часто возвращала их без всяких комментариев, что, наверное, его задевало.

Но вот на четвертом курсе (я была уже его женой) он написал несколько рассказов. Там были особенно запомнившиеся «Речные стрелочки» и «Заграничная командировка». Они мне так понравились тогда, что я их переписала в тетрадку. Не знаю — сохранились ли мои записи у него...

Работоспособность Солженицына всегда вызывала восхищение. Даже на фронте он много читал и писал, писал... Обо всем, что происходило вокруг. Написанное отсылал на отзыв друзьям, меньше — мне. Лида Симонян, наша соученица по Ростову, жила в Москве во время войны и печаталась в журнале «Иностранная литература». Она показала присланный Солженицыным с фронта рассказ «Лейтенант» Б. Лавреневу. Весной 1944 года он дал хорошую оценку рассказу и рекомендовал для печати, кажется, в «Знамени». Жалко, что его не опубликовали. Копию рукописи я читала в Казахстане, куда эвакуировалась с мамой. Рассказ действительно был прекрасным, и в нем уже чувствовалась рука мастера.

Арест затормозил эволюцию его таланта. И в письмах, и во время наших редких встреч, неохотно предоставляемых нам тюремной администрацией, он уверял: главное заменить годы наказания на вольное поселение в какой-нибудь глубинке и заниматься учительствованием в школе.

26 июня 1956 года произошла важная для всей дальнейшей нашей жизни и его работы встреча. Он приехал из казахстанской ссылки в Москву. К тому времени обстоятельства внесли в наши отношения скорбный корректив. У меня появилась новая семья. Произошло это в небольшой степени под влиянием его писем, где он убеждал меня в тщетности дальнейших ожиданий, просил не связывать жизнь с надеждой на его освобождение. Надо сказать, письма Солженицына отличались магической силой. На редкость выразительные, они обладали свойством подчинять воле их автора. И это тоже было проявлением могучего таланта.

Так вот, противоречивые письма из неволи были не последней причиной, разведавшей основ наших отношений. Потерявшая всякую надежду на возвращение мужа, устав бороться с неодолимой стеной равнодушия и враждебности, разведившей нас, и к тому же потрясенная жестокими советами в его письмах, я соединила жизнь с человеком, у которого было двое детей, и посвятила себя их воспитанию. Но это не означало, что я полностью отрезилась от мужа, он по-прежнему продолжал получать продуктовые посылки и материальную помощь. Просто я потеряла веру в то, что когда-нибудь снова мы сможем быть вместе. В это время мне и в голову не приходило, что я продолжаю владеть его чувствами. Но на деле все вышло иначе.

Отторгая меня в письмах, в глубине души Солженицын продолжал жить надеждой на далекое будущее... Может, в этом проявилось истинное рыцарское мужское благородство — освободить женщину от гнета ожидания? Во время упомянутой встречи он подарил мне арифметический задачник, в переплет которого оказались искусно выклеенные странички с удивительными текстами и стихами, посвященными мне, женщине, терзаемой разлукой! Уникальный памятник женам заключенных. Жаль, что эти строки не увидели свет. Эти стихи перевернули мне душу, и я поняла, какую трагичную ошибку совершила, поддавшись силе его убеждения.

Только в тот день мне открылась истина — обращаясь ко мне, он надеялся, что я, наперкор его письмам, буду терпеливо ждать, но не подумал о том, что каждое из них терзало сердце, обижало и лишило сна. Здесь, наверное, вечная разница в мироощущении мужчины и женщины... Эти стихи и сама встреча, остро напомнившая свидания в лагерях и тюрьмах, всколыхнули подспудно дремавшие чувства. Мы соединились вновь.

Раньше, когда он находился в заключении, всеми правдами и неправдами удавалось встречаться хотя бы раз в год. Теперь шесть лет отделяли нас от последней встречи. И теперь передо мной был сложившийся писатель с огромным жизненным багажом и своеобразным опы-

том конспиративной работы. Между строк томика Бернарда Шоу микроскопическим почерком искушенного шифровальщика Солженицын записал все, что удалось сочинить ему за колодецкой проволокой. Уже когда я приехала к нему в «Матренин двор», он показал мне чудесную пьесу. Она называлась «Декабристы без декабря» (на Западе ее опубликовали под названием «Пленники»). Гениальность этой вещи была неоспорима, передо мной во всей мощи открылось истинное предназначение Солженицына.

Наши трудности продолжались, но теперь совсем по-другому. Он никому не доверял, кроме бывших товарищей по заключению. Никто не должен был даже догадываться, что он пишет и о чем. Кроме меня и моей матери. Постепенно наш дом в Рязани опустел, и круг знакомых распался. Мы оказались в своеобразном вакууме. Так продолжалось пять лет жизни друг для друга и изнурительной, протекающей в конспиративности работы. Здесь, в Рязани, я была ближе к его творчеству, чем когда-либо. Он не любил меня знакомить с неоконченными книгами. Но тем не менее иногда обращался за советом. Скажем, «Матренин двор». Нужно придумать имя для рассказчика. Называть его Исаевичем он не хотел, Ивановичем — банально. Игнатьевичем — советовала я. Так и вошел «Игнатьевич» в большую литературу. Роман, носивший рабочее название «Шарашка», Солженицын назвал «В первом круге ада». Это название его не устраивало. Он долго искал достойную замену. Во время лыжной прогулки меня осенило, и я подсказала: «Назови «В круге первом». Оно понравилось.

— Как отразился московский период на его и вашей жизни?

— Москва оставила на нашей жизни сплошные рубцы. Это самое роковое место в «солженицынской географии». Москва началась для Солженицына в 1939 году, когда он приехал заочно учиться в МИФЛИ, сначала на искусствоведческом, а потом литературном отделении. Не помню, что писал он мне о своем первом впечатлении о Москве. Институт и его обстановка помещались в Сокольниках, а с удовольствием готовился к занятиям в парке. Именно в Москве он встретил сообщение о начале войны. После ареста, в конце войны, его с фронта опять привезли сюда, теперь уже в качестве заключенного, и он прошел все круги ада московских тюрем: Лубянка, Бутырки, Лефортово, Краснопресненская пересыльная тюрьма...

Здесь на нынешнем Ленинском проспекте, тогда Большой Калужской улице, он строил огромный дом, где сейчас размещается магазин «Спартак». Окна барака, где жили заключенные, выходили в Нескучный сад. Когда-то до войны, в один из наших приездов в Москву, мы любили бродить по его тенистым аллеям. Теперь, во время карантинных заключенных, я часами дожидалась под деревьями Нескучного, пока Саня улучит момент, чтобы незаметно передать мне условным знаком, что у него все в порядке...

И сейчас, проезжая мимо этого дома, я предаюсь невеселым воспоминаниям. Год, проведенный на строительстве в этом месте, послужил материалом для пьесы «Республика труда», которую сейчас ставит Олег Ефремов. Под Москвой, в Новом Иерусалиме, заключенный Солженицын сделал для себя огорчительное открытие — ему не хватало в жизни трудового воспитания, которое так могло бы пригодиться! Но Москва обогнала и встречами с замечательными людьми даже в заключении. Здесь в 1944 году в Бутырской тюрьме произошла незабываемая встреча Солженицына с Тимофеевым-Ресовским. Выделив Солженицына из толпы заключенных, «Зубр» попросил его принять участие в «научном семинаре». Так назывались беседы заключенной интеллигенции у окна в камере. И Солженицын действительно подготовил два доклада — об акустической разведке и перспективах атомного века. Книги для этого я раздобыла и передала ему во время одного из свиданий. Московская эпоха — это

оголтелой тучей Солженицына. Над его головой начали сгущаться тучи. Он очень болезненно переживал это время. Таким потерянным я не видела мужа прежде никогда. Отпаивала валяющейся и увещевала: «Ведь это написал не член Союза писателей, а з/к Ц-262. Чего же тебе бояться?».

Обращения Солженицына к Брежневу, Демичеву, другим работникам ЦК о возвращении ему рабочих архивов ни к чему не приводили. Было тревожно. Опасаясь ареста, Солженицын избегал находиться дома, переселился на дачу к Чуковским. На рязанской квартире я уныло ждала все, что могло оказаться опасным для мужа. Государство само толкнуло Солженицына на тропу конфронтации. Раньше он охотно посещал в ЦК Лебедева и других работников, выполнял их просьбы — выступал, делился планами, много рассказывал. Теперь его отвергло если не все общество, то, во всяком случае, всесильное руководство. За ним велась слежка, искали его рукописи. Он вынужден был скрывать их в тайниках на квартирах надежных знакомых. В Ленинграде арестована Воронянская. Не выдержав допроса, она указывает на квартиру Самутина, где находится — «Архипелаг ГУЛАГ». «Военно-исторический журнал» в последних номерах начал печатать «записки» теперь уже покойного Самутина. Эта публикация — вздор и вымысел! Свидетельствую: я знакомилась с истинными записками Самутина в 1979 году. Ничего общего с журнальным вариантом они не имели!

Еще до начала драмы я начала вести дневниковые записки. Кстати, о них знал Солженицын. В 50 лет я специально ушла с работы, чтобы посвятить себя осмыслению и систематизированию всего, что произошло и все еще происходило вокруг наших имен.

Беда все туже затягивала свой узел. Моя единственная и горячо любимая сестра принесла мне жестокою и ошеломительную весть — другая женщина ждет ребенка от моего мужа. Это был страшный удар. Люди вокруг становились другими.

Журнал «Штерн» обвинил меня в том, что я вернулась к Солженицыну, когда он стал именит. Но это была чудовищная ложь! И тогда я обратилась в АПН, корреспондент которого выступил в «Нью-Йорк таймс» с опровержением слухов о том, что Солженицын пребывает в Советском Союзе в нищете. Сотрудники АПН взяли у меня интервью и заинтересовались моими дневниками. А поскольку в это время на Западе множилось слухи о положении и будущем Солженицына, обратились с предложением написать для зарубежных читателей обо всем, что здесь произошло. И я, задевая этой непристойной возней, сочла возможным принять предложение АПН. Другого способа постоять за себя я просто не видела.

Тогда меня стали обвинять в связях с КГБ. Но с КГБ в действительности у меня состоялись только одна, правда, довольно неприятная встреча. Они искали рукопись «Архипелага» и обратились ко мне. Я ее перепечатывала, но не знала, где ее хранили. На вопрос — не боюсь ли я? — ответила: «Теперь мне бояться нечего, можете делать со мной что угодно!».

Между тем я знала: Солженицын имел возможность опубликовать «Архипелаг» за границей. И при одной мысли, что его ждет новая расправа, меня охватывал ужас! И я решила на встречу с ним. Увиделись мы на Казанском вокзале. Александр Исаевич был какой-то неестественный, взволнованный. Испуганно озирался, видимо, полагая, что я к нему специально подослана. Заставил уйти на край перрона, где вокруг нас была пустота. И только тогда немного успокоился...

Я умоляла не публиковать «Архипелаг» за границей, говорила, что боюсь за его дальнейшую жизнь. Просила показать рукописи «Ракового корпуса» в АПН. Он слушал меня и вроде бы соглашался. Я проводила его до метро. Он пообещал поступить, как я советовала, поцеловал меня и... больше мы никогда не виделись...

Вот и все. Кто осмелится судить чужую жизнь, делить ее на правую и неправую... Все мы вышли из той эпохи, все были ее заложниками, а многие и жертвами.

Недавно в издательстве «Советская Россия» вышел сигнальный экземпляр новой книги Натальи Решетовской «Александр Солженицын и читающая Россия».

Беседу вел Э. КОТЛЯР.

На снимках: А. Солженицын и Н. Решетовская, 1940 год; в 1970 году Н. Решетовская, в последний раз сфотографировала А. Солженицына.

время Твардовского и сотрудничество с Лебедевым, помощником Хрущева по вопросам культуры. Именно он дал читать Хрущеву «Ивана Денисовича», после чего повесть была опубликована. Это и дружба со многими людьми — Ростроповичем, Чуковским, Александром Менем.

— Наталья Алексеевна, в гости к Солженицыну под Рязань приезжал видный правозащитник, опальный генерал Петр Григоренко, объявивший войну брежневщине. Они вместе провели сутки. Что известно об этой встрече?

— Григоренко действительно приезжал в Давыдково, второй «Матренин двор», как мы называли маленький домик в деревне, где жил Солженицын. Я знала, что они проговорили там целую ночь, но подробности встречи мне неизвестны. По рассказу самого Григоренко, на него Солженицын произвел огромное впечатление как человек, ذو глубины испивший горькую чашу народных страданий.

— Наталья Алексеевна, многие обвиняют вас в сопричастности к действиям КГБ против Солженицына. Огромный аппарат КГБ в ту пору был включен в борьбу против одного Солженицына. Он не мог оставить без внимания вас, женщину глубоко задетую и обиженную тем, что муж оставил ее ради другой. Вполне вероятно, что ваша «карта» могла быть разыграна против Солженицына. Подозрения усилились тем, что в самый разгар травли писателя АПН вдруг издает вашу книгу, наделавшую столько шума. Солженицын обвинил вас в предательстве, зарубежная печать тоже высказалась в ваш адрес не очень лестно. Что же было на самом деле?

— Началось все с обыска у наших друзей — Теушей. Там была обнаружена часть рукописи «В круге первом». Правда, с этой работой уже ознакомился Твардовский. Но дело усугубила другая находка. В госбезопасность попала повесть «Пир победителей», и отсюда начался отчет роковым событиям. Демичев разослал «крамольную» повесть писателям и деятелям культуры. Твардовский, Симоненко, Бакланов и еще несколько человек не пожелали принимать участие в начинающейся травле. Но большинство, как это водилось, подхватили заданный отделом ЦК тон, и вначале неуверенный и нестройный хор придворных шапок, почувствовав «поддержку сверху», разразился